

Таким образом, пейзаж играет особую роль в романском пространстве, а традиционные элементы данной парадигмы (эмоциональность, время года, часть суток, цветы и т.п.) непосредственно перекликаются с основной сюжетной линией любви и разлуки.

Литература

Виноградов В.В. Избранные труды. Поэтика русской литературы. – М.: Наука, 1974. – 460 с.

Рябова В.Н. Пейзажная единица текста: семантика, грамматическая форма, функция (на материале произведений А.П. Чехова): Дис... канд. филол. наук. – Тамбов, 2002. – 196 с.

Русские романы. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001 – 288 с.

Шедевры русского романа. – Минск: Харвест; М.: Изд-во АСТ, 2000. – 384 с.

И.В. Чекулай
г. Белгород, БелГУ

Аспекты взаимодействия волевой и рациональной сфер личности и их отражение в семантике языковой и речевой необходимости

Одной из важнейших проблем современных теории познания, психологии и лингвистики является соотношение различных сфер личности в их взаимодействии. К ним относятся такие три важнейшие сферы, как разум, воля и чувство. Описывая их взаимодействие, известный представитель отечественной психологической науки Е.П.Ильин приводит следующую платоновскую метафору: "Платон сравнил жизнь человека с колесницей. В нее впряжены два бешеных коня: чувство и воля. Эти силы рвутся вперед, увлекают колесницу и могут ее опрокинуть. Однако управляет колесницей разум. Он крепко держит вожжи, сдерживая безумные порывы коней. Отсюда проистекает и выделение трех сфер личности и, соответственно, трех типов психических процессов: интеллектуальных, эмоциональных и волевых" (Ильин, 35).

К таким же взглядам, независимо от данных психологии, приходит и известный богослов А. Мень. В частности, он пишет: "Всякая религия складывается из трех основных элементов: мировоззрения, жизненных нормативов и мистического чувства, которое находит внешнее выражение в культе. Первый элемент обращен к интеллекту человека, второй - к его волевым устремлениям, а третий - к его эмоциональной сфере и интуиции. Причем этот последний является основополагающим" (Мень, 85).

Хотелось бы подробнее остановиться на феномене соотношения воли и разума как проблеме, еще не получившей однозначного решения в психологии и, очевидно, вследствие этого мало разработанной в рамках лингвистической семантики.

Достаточно четкое разграничение разума и воли в сфере выражения ценностных отношений в форме речевой оценки проявляется в основных

лексических единицах, передающих соответственно оценочную семантику рационального восприятия, обработки полученной информации и употребления в определенной рационально-оценочной функции в форме речевых единиц (например, *Это правильный ответ на данный вопрос* или *Он рационально подошел к решению этой проблемы*), и оценочную семантику воли. Для передачи последней в основном используются предикаты желания, убеждения, приверженности своим взглядам и т.п. (например, *Не хочу учиться, хочу жениться* или *Мне нужно туда пойти*). Однако анализ с позиций собственно семантики показывает зыбкость границ между ними при оценочном осмыслении данных сфер.

Такой агломерированный характер взаимодействия этих сфер обусловлен прежде всего комплексным характером модальности как категории языка и мышления. Такие явления, как известно, принято рассматривать в терминах деонтической логики. Рассматривая проблемы взаимодействия познавательных и модальных факторов в образовании структур мышления для передачи знаний, И.А.Герасимова отмечает, что основные проблемы исследований деонтической логики сводятся к следующим:

- если императивные нормы нельзя признать ни истинными, ни ложными, то из этого вытекает проблема логического статуса противоречий и следований между нормами;

- иерархический принцип построения нормативных систем вызывает проблему структуры индивидуального внутрисистемного нормирования;

- наличие вненормативных факторов при переходе от норм к поступкам [в нашем понимании - деятельности] создает проблему соединения разнородных модальностей в единой логической модели;

- наконец, остается открытым, пожалуй, главный вопрос – как аксиологическая логика соотносится с ассертивной, которая устанавливает соотношение между действиями и их отражением на сферу воли и убеждений личности по шкале «должен – есть» (Герасимова, 2000: 7-8).

Деонтическая модальная логика вторгается в ту сферу человеческого мышления, которая совмещает в себе понятия «необходимого» и «должного», «возможного» и «желаемого», и таким образом строится на двух основных видах императива – категорическом и гипотетическом, сформулированных в философской концепции И.Канта (Там же: 11-13). Именно в таком виде она и разрабатывается в философских доктринах. Однако в практике повседневного общения императив взаимодействует не только с волевой сферой человека, но и выходит за ее пределы, в сферу рационального мышления. В результате «должное» и «желательное» зачастую переосмысливаются как «правильное», «хорошее», а воля наряду с разумом становится тем субъективным фоном, на котором события, действия, поступки и факты получают достаточно четкую языковую оценочную интерпретацию. Как известно, отношение «фигура - фон», разработанное в гештальтпсихологии, легло в основу объяснения лингвистических явлений в пределах когнитивной лингвистики (КСКТ: 185-186). Между субъектом и деятельностью, которую он интерпретирует с оценочных позиций, возни-

кает ценностное отношение, и в его речевой реализации высказывание с присущей ему оценочной предикацией выполняет роль когнитивной фигуры, а личность субъекта становится тем интерпретационным фоном, на котором и осуществляется эксплицированная языковыми средствами оценка.

Основная функция фона состоит в обеспечении семантической цельности фигуры. В результате этого отдельные дистинктивные черты и грани деталей фона могут смазываться и представлять в нерасчлененном виде. Подобное явление достаточно часто наблюдается в живописи; таким образом, становится очевидной аналогия между различными креативными сторонами человеческой деятельности, как язык и искусство.

Нельзя сказать, что в языке недискретное с иными сферами разума проявление воли является доминирующим. Однако в этом случае семантика воли является не фоновой, а исполняет роль фигуры. Именно воля или ее отсутствие подчеркивается значением как лексических единиц, так и синтаксической структуры, образующей дескриптивное высказывание. При этом лексическое наполнение предиката во многом определяет особенности волевой семантики. При отсутствии дискретности воли и разума высказывание, оставаясь по форме дескриптивным, фактически становится оценочным, фиксирующим определенное ценностное отношение. Рассмотрим некоторые случаи такого употребления.

(1) « - Стільки сортів... Це ж кожен *треба* було комусь вивести... - на мить задумалась Тоня» (Гончар: 129)

*Девочка-выпускница средней сельской школы, достаточно непосредственно воспринимающая жизнь, задумывается над тем потенциалом труда, который вложен в селекцию разных сортов гладиолусов, а также желанием и вдохновением, которые в течение веков подвигали селекционеров на выращивание многообразия прекрасных цветов различных сортов. В данном случае оценивается и количество труда, направленное на такую деятельность, и желание неизвестных селекционеров подарить такую красоту людям, и данное высказывание воспринимается как оценочное, которое можно интерпретировать как *Восхищаюсь людьми, которые вывели все эти сорта*. Обращает на себя внимание слово *треба* (аналог русского *нужно*). В русском языке конструкция *Это надо же было кому-то сделать что-то* также маркирована оценочным содержанием, причём в зависимости от ситуативного использования она может иметь как положительный, так и отрицательный аксиологический знак, например: *Это же надо было кому-то такую красоту построить!* vs *Это же надо было кому-то такую грязь развести!**

Со словосочетанием *надо было* связан и следующий пример:

(2) « - ... Люди устраивались, как могли, кто имел аптеку, а кто даже фабрику. Я лично не вижу в этом ничего плохого. Кто мог знать?

- *Надо было* знать, - холодно сказал Корейко.

- Вот и я говорю, - быстро подхватил Лапидус, - таким не место в советском учреждении» (Ильф, Петров: 339).

В данном случае также высказывается оценочное отношение к определенному содержанию. В целом сочетание *надо было* может иметь лишь две прагмалингвистические функции: оно может употребляться для выражения совета, подсказки (например, « - В Педженте его [Абдуллу] надо было через трубу брать» - х/ф «Белое солнце пустыни»), либо же (и чаще всего в этой функции данное словосочетание и встречается) для выражения отрицательной оценки в связи с неудачным прошедшим действием, часто с оттенком сожаления. Очевидно, оба приведенных примера репрезентируют единую когнитивно-аксиологическую сущность, однако конструкция с анафорой *Это же...* привносит экспрессивный компонент в высказывание.

В английском языке, как известно, конструкции *Надо было...* соответствует модальная рамка *Smb. should have* плюс *Причастие II* смыслового глагола, однако это соответствие лишь наиболее общего плана. Чаще всего его семантика описывается в терминах выражения сожаления, упрёка и т.п. за какое-то уже совершенное действие, которое не соответствует критериям положительной оценки субъекта говорения, например:

(3) «Somewhere, Thomas realized, a man who considered himself a human being should know where to stop, leave another man a place to live in. Sure, Falconetti was a pig and deserved a lesson, but the lesson *should have ended* somewhere else than in the middle of the Atlantic» (Shaw: 576).

В данном случае можно говорить о взаимодействии рациональной и воликативной семантики в единой конструкции. Томас доводит до самоубийства Фальконетти, который до определенного времени терроризировал всю команду, но стал тише воды, ниже травы после того, как Томас его избил. В целом случай достаточно интересен, его можно описать библейским изречением о том, что ад вымощен благими намерениями. Одной из форм самоутверждения Фальконетти было то, что он выдворял из общей комнаты негра Ренвея, когда сам туда заходил. Желая завершить падение Фальконетти после драки, Томас намеренно заводит негра в комнату и сажает рядом с Фальконетти, после чего последний выбрасывается за борт судна в сильный шторм. Томас понимает, что было достаточно лишь утихомирить Фальконетти, но не доводить его до самоубийства, и теперь терзается угрызениями совести, что не остановился вовремя, поддался своим эмоциям. Даже то, что Фальконетти повел себя неадекватно, и Томас не мог прогнозировать, что нахождение рядом с негром было для Фальконетти позором, который он не смог перенести, не успокаивает Томаса. Он не продумал степень наказания наглеца, и теперь платит за это угрызениями совести. Таким образом, моральные муки обусловлены недостаточной продуманностью поступка.

Интересен также другой пример, где в подобной конструкции функционирует глагол *have to* в функции эквивалента модального глагола *must*. Вообще конструкция *must have Part II* используется для выражения предположения, в реальности которого говорящий сильно убежден. Транспозиция глагола *have to* вместо *must* несколько меняет содержание высказыва-

ния, переводит его из предположения в ранг факта, в котором не может быть сомнений:

(4) "That's nonsense!" Margot seemed shocked. "You can say that now because you've been unusual and lucky."

"There was no luck," Edvina said. "I've worked."

"No luck?"

"Well, not much."

Margot argued. "There *has to have been* luck involved because you're a woman. For as long as anybody can remember, banking's been an exclusive men's club – yet without the slightest reason." (Hailey: 318).

В споре двух женщин Марго настолько убеждена в исключительной доли везения в карьере Эдвины, что для убедительности своих аргументов использует данную транспозицию.

Синтез волевой и рациональной семантики долженствования происходит и при оценке действий настоящего и будущего времени. Более того, агломерированный характер этих сфер проявляется прежде всего именно в ситуации планирования своих дальнейших действий, что, несомненно, зачастую гораздо важнее, нежели анализ какой-то прошедшей деятельности. Конечно, роль прошедшего опыта как мотива планирования дальнейших действий нельзя преуменьшать, однако антропоцентрический характер мышления заставляет человека мыслить прежде всего «на перспективу», его интересует скорее то, что с ним происходит или что будет происходить, чем то, что уже произошло. Именно в плане предвидения грядущих событий и проявляется все разнообразие смысловых обертонов синтеза воли и разума.

Чаще всего такой синтез осуществляется в ситуациях выбора между «разумным» и «должным», когда перед человеком встает дилемма поступить разумно или поступить так, как этого требует сыновний, семейный, гражданский, патриотический долг. В принципе такое решение может быть вполне бесконфликтным, как в следующем примере:

(5) « - Что ты молчишь, Володя? Что пишет мама?

- Они ждут меня в Свердловске, Раиса Михайловна. Но я никуда не поеду. *Глупо* ехать куда-то в тыл. Что там делать?

- Глупо?

- *Нужно* завтра идти в военкомат, чтобы послали на фронт, а не удирать куда-то на Урал. *Я так решил...*» (Бондарев: 31).

Разговор происходит между семнадцатилетним юношей и матерью его друга в Москве в октябре 1941 года. Примечательна оценка *Глупо...* из уст этого юноши по отношению к вещи, которая с точки зрения «чистого» рационального мышления представляется наиболее естественной. Семнадцать лет – это не призывной возраст, и он мог бы вполне пожить год в эвакуации до официального призыва, пожить не без пользы, поработать на оборону страны. Однако его убеждения, воспитание и учет мнения сверстников на фоне грозных военных событий формируют его мнение о нормальном, естественном для тех условий ходе событий как о чем-то несущ-

разном. Таким образом, воля в его оценочных рассуждениях доминирует над сугубо рациональными соображениями, но взаимодействие сфер воли и интеллекта не наталкивается на серьезные препятствия. В то же время мама его друга явно склонна к следующему ходу рассуждений: *Идет война, надо защищать Родину, но разумнее, если мальчиков призовут на фронт по закону, когда им исполнится восемнадцать лет.* Не исключен и обратный ход рассуждения: *Разумнее, если мальчиков призовут на фронт по закону, когда им исполнится восемнадцать лет, но идет война, надо защищать Родину.* В любом случае в рассуждениях женщины присутствует конфликт между разумом и долгом, о чем свидетельствует ее реакция на оценочное слово *глупо*.

Как показывают наблюдения, взаимодействие двух сфер в настоящем или будущем наблюдается также в случаях выражения необходимости, где также зачастую принимает участие и третья основная сфера личности – эмоция. Это еще раз показывает комплексный, синтетический характер категории модальности.

Очевидно, что взаимодействие рациональных и волевых компонентов личности не связано лишь деонтической категорией необходимости. Как представляется, категория возможности включает в себе такие же обширные возможности отражения взаимодействия сфер разума и воли.

Данная проблема представляется достаточно обширной, и едва ли ее содержание можно адекватно передать в рамках данной статьи. Однако эта проблема важна не только с лингвистической точки зрения, но и с точки зрения изучения феномена человека как мыслящего существа и в то же время как творца истории. Изучение семантики выбора между рациональным мышлением и чувством долга, аспекты различия и взаимодействия воли и разума представляются особенно важными в наше время – время принятия ответственных решений, которые требуют как рационального мышления, так и чувства долга перед своими родными, друзьями, страной и всей планетой.

Литература

Герасимова 2000: Герасимова И.А. Деонтическая логика и когнитивные установки // Логический анализ языка: Языки этики /Отв. ред. Н.Д.Арутюнова, Т.Е.Янко, Н.К.Рябцева. - М.: Языки русской культуры, 2000.

Ильин Е.П. Психология воли. - СПб.: Питер, 2000.

Краткий словарь когнитивных терминов /Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, 1997.

Мень А. Доисторические мистики // Наука и жизнь. - 1990. - № 2. - С. 85-91.

Иллюстративный материал

Бондарев Ю.В. Выбор: Роман // Роман-газета. – 1981. - № 8 (918).

Гончар О. Тронка. Собор. – К.: «Сакцент Плюс», 2004.

Ильф И, Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок: Романы. Записные книжки. – М.: Эксмо, 2003.

Hailey A. The Moneychangers. – N.Y.: Dell Book, 1986.

Shaw I. Rich Man, Poor Man. – L.: New English Library, 1985.